

Коллектив авторов

Москвитянин

1849. Книга 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К60

Коллектив авторов
К60 Москвитянин: 1849. Книга 2 / Коллектив авторов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 742 с.

ISBN 978-5-517-93358-4

Учёно-литературный журнал, выходивший в 1841-56 гг., сначала ежемесячный, с 1849 г. выходил два раза в месяц. Редактор - М.П. Погодин, ведущий критик - С.П. Шевырёв. В журнале сотрудничали синолог И. Бичурин, собиратель былин А. Ф. Гильфердинг, историк И.Е. Забелин, филологи И.И. Срезневский и Ф.И. Буслаев и др. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1849 года

ISBN 978-5-517-93358-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

это за шутки? Она даетъ балъ — это шутка? а? Да говори Ранъевъ! Ну? шутка, или серьезное это дѣло? — Софи даетъ балъ! Уууу!

И съ этимъ возгласомъ молодой человекъ бросился на маленькій диванъ и заколотилъ ногами; потомъ уперся въ золоченую ручку — ручка затрещала.

— Ты совсѣмъ съ-ума сошелъ! — сказалъ съ досадой Ранъевъ.

— Не могу! — вскричалъ Даяновъ.

— Что тебѣ сдѣлала моя мебель?

— Мъшаетъ!....

И онъ толкнулъ еще разъ ногой въ ручку, и ручка отлетѣла.

— Это ужъ изъ рукъ вонъ! — сказалъ Ранъевъ, — тебя надо связать.

— Свяжи пожалуйста, душа моя!.... Ухъ! гадкая Софи!.. даетъ балъ!.... Это что-нибудь да значить!.... Чтожъ это значить? а? Ранъевъ? Это чортъ знаетъ, что значить! Это — конецъ всему!

И Даяновъ взвизгнувъ, перекинулся, застучалъ ногами, схватилъ шитую подушку изъ-подъ головы, бросилъ ее, какъ говорится, къ чорту; подушка ударилась въ тумбу съ мраморной вазой; ваза слетѣла на полъ, разбилась въ дребезги.

— Ты съ-ума сошелъ! — проговорилъ опять, пожавъ плечами, Ранъевъ.

— Я люблю ее! — вскричалъ Даяновъ, вскочивъ и забарабанивъ объими руками по столу; — люблю, люблю, люблю, люблю, люблю! Не могу жить безъ нея, не могу, не могу, не могу! Ну, никакъ не могу! Чтожъ дѣлать: это ужъ рѣшеное дѣло!

— Въ тебѣ, другъ мой, не любовь поселилась, а чортъ; посмотри, ты на себя не похожъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, — проговорилъ Даяновъ, вставъ и смотря въ зеркало: — знаешь сколько ночей я не спалъ?

— Я тебѣ советовалъ бы, мой милый, разсѣять свою любовь, хоть путешествіемъ.

— Разсѣять?... Чтожъ это какое-нибудь сѣмя разсѣять? Изъ этого что-нибудь вырастетъ? а? да говори же!

— Твоя Софи кокетничаетъ съ тобою, какъ и съ другимъ, — вотъ и все.

— Тсъ, молчать!

— Нечего молчать; я тебѣ серьезно говорю.

— Тсъ! молчать!.... Со мной кокетничаетъ? она? Я за ней не влочился, я прямо сказалъ ей послѣ смерти ея дряхлаго мизантропа мужа, что я ее люблю, что я хочу только одного — жениться на ней. Хочу одну ее — понимаешь?

— И она очень умно отвѣчала тебѣ, что не намѣрена выходить замужъ; подразумевая: за тебя; потому что ты еще ребенокъ: она старше тебя по крайней мѣрѣ пятью годами.

— Ни, ни, ни! Она сказала: ни за кого!.... А расчеты: старше, моложе — тьфу!

— А между тѣмъ пріятно держать подлѣ себя на сворѣ такого хорошенькаго мальчика.

— Послушай ты, дядя, я тебѣ дамъ такого мальчика!....

— И надо прибавить еще взбалмошнаго шалуна, — продолжалъ Ранѣвъ, не обращая вниманія на дружескую тукманку по спинѣ. — Она очень умно просидѣла скромно дома въ продолженіе слишкомъ года интересной вдовой.... Чего же больше.

— Ахъ, душа моя! Это было счастливѣйшее мое время! — вскричалъ Даяновъ.

— Помилуй, ты каждый день бѣсился отъ ревности и также, какъ сегодня, катался по полу.

— Ревность! Нисколько не ревность! Мнѣ просто надоѣлъ этотъ проклятый Замшинъ: только что разговоримся о чемъ-нибудь съ сердечнымъ изліаніемъ, какъ нарочно чортъ его принесетъ! Не понимаю, какъ можетъ умная женщина позволять заниматься собою дураку.... и выносить его бесѣду?... Только что онъ придетъ, я тотчасъ же уйду, и бѣшуся на Софи.

— А ты ведешь съ ней умныя бесѣды?

— Очень естественно, что говорю не о какихъ-нибудь пошлостяхъ, не комплименты; а говорю обо всемъ, высказываю свои задушевные понятія и не наговорюсь съ ней; а этотъ дуракъ....

— Постой. А объ ней самой и о своихъ чувствахъ не говоришь?

— Нелѣпость какая!

— Такъ ты, мой милый, въ миллионъ разъ скучнѣе для нея, нежели Замшинъ. Я увѣренъ, что слушала его, она отдыхаетъ отъ твоего глубокомыслія.

— Брррр! — вскричалъ Даяновъ, швырнувъ ногой лежавшую на полу свою шляпу, — не понимаю! Чортъ знаетъ, не понимаю!.... Вдругъ балъ!.... Присылаетъ ко мнѣ пригласительный билетъ на балъ!.... Мнѣ, билетъ!.... Я послѣ того у нея не былъ.... Не могъ быть, не хочу быть!

— И хорошо дѣлаешь.

— Хорошо, хорошо! это хорошо стоитъ мнѣ....

— Пойдемъ-ко лучше завтракать, — я поподчую тебя перигорскимъ пирогомъ, — сказалъ Ранѣевъ, выходя въ залу. Чего же стоитъ это тебѣ?

— Стоитъ мнѣ.... по крайней мѣрѣ десять лѣтъ жизни! — продолжалъ Даяновъ, отрѣзавъ пирога и бросая въ ротъ огромному брусбарту, который ластился около него.

— Помилуй, любезный другъ! Кормить собаку перигорскимъ пирогомъ!

— Да чтожь дѣлать душа моя, если она эсть не хуже меня?

— Я тебя подчую, а не собаку.

— Да это все равно, кто бы ни съѣлъ, не о томъ дѣло! я непременно поѣду на балъ!.... Мы поѣдемъ вмѣстѣ.... я къ тебѣ заѣду ввечеру.... Прощай!

И Даяновъ, нахлобучивъ шляпу, торопливо бросился къ двери.

— Прощай! — сказалъ и Ранъевъ, — очень жаль, что не попробовалъ перигорскаго пирога!

Кончивъ свой завтракъ, онъ одѣлся въ утренній костюмъ, посмотрѣлъ въ записную книжку визитовъ, подумалъ, — и повхалъ платить свѣтскіе долги: провелъ одинъ день, какъ другой, а ввечеру возвратился домой, чтобъ надѣть вечерній костюмъ и ѣхать на балъ въ Малинской.

Только что онъ засѣлъ совершать свой туалетъ предъ зеркаломъ, какъ вдругъ послышались почти въ одно время: стукъ экипажа у подъѣзда, стукъ дверей въ передней и въ залъ, звонкій голосъ: баринъ дома? и скорые шаги по залъ и кабинету.

— Гдѣжь баринъ?—повторилъ тотъ же голосъ у дверей спальни, — и Даяновъ торопливо вошелъ по-англійски въ комнату, кинулъ шляпу и перчатки, вслѣдъ за ними бросился самъ на диванъ и, ни слова не говоря, въ то же мгновеніе захрапѣлъ.

— Умаялся, мой милый, — сказалъ Ранъевъ, расправляя и устроявая локоны волосъ, завитыхъ на Кузнецкомъ мосту.

Но не успѣлъ еще онъ распорядиться, какъ слѣдуетъ, съ бакенбардами и подбородкомъ, какъ Даяновъ очнулся и крикнулъ: чтожь ты, готовъ?

— Нѣтъ, не готовъ, — отвѣчалъ Ранъевъ; но Даяновъ уже не слышалъ отвѣта.

Черезъ несколько минутъ, когда Раневскъ повязывалъ уже хитрымъ узломъ шейный платокъ, молодой человекъ, какъ будто кто толкнулъ его подъ бока, снова открылъ глаза и крикнулъ:

— Чтожъ, ты готовъ?

— Нѣтъ, не готовъ, — отвѣчалъ Раневскъ, медленно и тщательно расправляя узелъ.

Даяновъ вскочилъ, протеръ глаза, крикнулъ:

— Мочи нѣтъ! Иванъ, пошелъ, вели подавать коляску! Я самъ буду одѣвать барина!

— Ну-ну-ну-ну, не безпокойся! — сказалъ Раневскъ, ограждая себя отъ заботливости Даянова, который протянулъ было уже руки къ узлу шейнаго платка.

— Ты мучитель! Ты кунктаторъ — вскричалъ Даяновъ, — ты уморишь меня!..

— Послушай, милый мой, ты такимъ измятымъ и поѣдешъ на балъ?

— Ну-ну-ну-ну, одѣвайся, примазывайся, приглаживайся скорѣй!... Эй!... Подавай ему шубу! — крикнулъ вмѣсто отвѣта Даяновъ.

— Это невозможно! Посмотри на себя, ты какъ мертвецъ, весь какъ изтерзанный!..

— Да, да, изтерзанный, ну, чортъ бы дралъ, изтерзанный, такъ изтерзанный, это значить, что меня изтерзали!

— Я съ тобой въ такомъ видѣ не поѣду.

— Такъ ты бы, душа моя, давно сказалъ: за чѣмъ же я ждалъ?

И Даяновъ схватилъ свою шляпу, надѣлъ на голову, вздернулъ кое-какъ перчатки, — и выбѣжалъ.

— Хмъ! Чудакъ! — проговорилъ Раневскъ, присѣвъ снова къ столику и осматриваясь.

II.

Зала и гостиныя были уже полнехоньки, когда Дяновъ прїѣхалъ на балъ. Ему надо пробиться къ хозяйкѣ дома сквозь толпу знакомыхъ и молодежи. Всѣ его знали, всѣ любили, со всѣми онъ былъ прїятель, у всѣхъ что-нибудь перебилъ и переломалъ во время своихъ припадковъ отчаянія или восторговъ. Только что ринулся онъ въ толпу, его еще болѣе сжали дружескія встрѣчи; но сквозь пожатія руки и изліянія радости и дружбы онъ проходилъ, не обращал ни на кого вниманія, искалъ глазами Софіи Малинской, очаровательной хозяйки, еще очаровательнѣе — молоденькой, богатой вдовы, на которой такъ бы вотъ и женился каждый любитель красоты и доходовъ, упрочивающихъ состояніе, удовлетворяющихъ самолюбіе и зашмодавцевъ, дающихъ извѣстность и возможность, полагаясь на сто тысячъ дохода, дѣлать милліонъ долгу.

Сбросивъ съ себя смирную одежду по мужъ, о которомъ можно было тосковать только по привычкѣ къ тоскѣ и грусти, которую онъ наводилъ собою, Софія Малинская въ первый разъ, послѣ двухъ лѣтъ, явилась въ самомъ скромномъ, неизысканномъ бальномъ нарядѣ; но, въ бѣломъ газѣ и въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ розъ, она казалась невѣстой.

Молодость, свѣжесть и нежность лица, слегка отуманеннаго грустнымъ выраженіемъ, томный взоръ, поющей голосъ, взволновали всѣхъ латниковъ бала, — и они толпою бросились вызываться на право танцовать съ нею.

Но взоръ ея блуждалъ: кого-то искалъ въ толпѣ, — и не находилъ.

— Я уже дала слово на первую кадрили, — отвѣчала она всѣмъ смутясь: — на вторую, на третью, на четвертую, если вамъ угодно.

И очередь шести кавалеровъ отмѣтила она на бальной своей табличкѣ. Но кавалеръ первой кадрили не являлся. Всѣ желали знать его: но онъ остался для всѣхъ тайною.

Софи не танцевала первой кадрили. Рада бы была отказать и отъ всѣхъ прочихъ, такъ возмутило ее что-то; но кавалеръ на вторую кадрили уже на-сторожъ, — готовъ по первому мановенію смѣчка подбѣжать къ ней.

Въ эту минуту она вспыхнула. Къ ней подошелъ Даяновъ. Лицо его было блѣдно; встряхнувъ свои локоны и откинувъ ихъ рукой назадъ, съ разсвѣяннымъ взоромъ онъ проговорилъ ей:

— Вы ужъ ангажированы?

— Первой кадрили я не танцевала, — отвѣчала она: — кавалеръ, котораго я сама хотѣла пригласить на первую кадрили, не поторопился воспользоваться моею предупредительностію.

— Хмъ, еслибъ подобный счастливецъ предвидѣлъ этотъ балъ, онъ вѣрно самъ бы предупредилъ свое счастье.... Но я думаю, счетъ кадрили ни сколько не зависѣтъ отъ музыки....

— Я дала слово М-г Замшину танцевать слѣдующую; а это уже слѣдующая.

— Замшину? во всякомъ случаѣ вы танцуете съ нимъ первую кадрили!.... Которую же я могу танцевать съ вами? пятую, десятую, сотую, чтобъ заключить балъ?

Малинская безпокойно взглянула на Даянова; но чтобъ скрыть свои чувства, она склонила взоръ на табличку и проговорила: *седьмую*.

Даяновъ поклонился сухо; снова встряхнулъ; отбросилъ назадъ длинные локоны, посмотрѣлъ безъ вниманія на стороны, — и отошелъ.

Музыка заиграла. Замшинъ подбѣжалъ къ Софи, — и она встала на мѣсто; но взоръ ея преслѣдовалъ Даянова, который разсвѣянно ходилъ по залѣ и уклонялся отъ бесѣды съ знакомыми.

Это былъ прекрасный молодой человекъ, красавецъ собой, уменъ, образованъ; но немилосердо извѣженъ лю-

бовью и ласками родныхъ и знакомыхъ. Съ малолѣтства всѣ женщины ухаживали за нимъ, лелѣли его, какъ нянюшки, и заразили его женскою раздражительностію и причудливостію. Отъ малѣйшихъ противорѣчій онъ приходилъ въ отчаяніе, въ изступленіе до безумія; но это изступленіе такъ было незлобно, странно, похоже на ребячество, что каждый готовъ былъ унять его лаской, ухаживаньемъ, — и гладить по головкѣ, приговаривая: пай дитя!

Съ Софїи Малинкой онъ почти вмѣстѣ выросъ, — и страстно ее любилъ. Ему было шестнадцать лѣтъ, ей около двадцати: она вышла замужъ по расчетамъ родныхъ. Онъ плакалъ; разстался съ отчаяніемъ и вступилъ въ военную службу. Но едва узналъ онъ, что Софїя овдовѣла, бросилъ службу, прискакалъ въ Москву, умолялъ ее выйти за него замужъ. Софїя грустно ему отвѣчала, что она ни за кого не пойдетъ замужъ.

Не менѣе страстное чувство взаимности танлось и въ ней; но она зависѣла отъ мнѣній своихъ родныхъ и значенія своего въ свѣтѣ.

Когда она объявила своему старому дядѣ и теткѣ о предложеніи, сдѣланномъ ей Даяновымъ :

— Чтобъ ты пошла за молокососа? стыдись сударыня — прикрикнули они.

И она въ самомъ дѣлѣ покраснѣла, вспомнивъ, что Даяновъ гораздо моложе ея. Но чѣмъ же было ей успокоить страстное сердце Даянова какъ не рѣшительностію ни за кого не выходить замужъ?

Любя его, она въ самомъ дѣлѣ рѣшилась не выходить уже замужъ; но Даяновъ, выслушавъ горькій отвѣтъ, сказалъ: и я не женюсь ни на комъ!

Прошло около двухъ лѣтъ ея вдовства, являлась тѣма искателей ея руки, — она всѣмъ отказывала.

Но старый дядя и тетка, которымъ отецъ и мать ея передали на руки родительскую власть надъ нею, строго и рѣшительно объявили, что ей необходимо выйти замужъ,

пристроить себя. Они и весь родные приняли участіе въ богатомъ, хотя и совершенно пустомъ Замшинѣ. Понимая главную причину ея отказовъ, заботливая эта родня, копія съ эмигрантовъ прошедшаго столѣтія, строгая на сохраненіе приличій, но не строгая на нравы, безъ большихъ церемоній нашептала ей средство, какъ поступить въ удовлетвореніе ума и сердца: «любовь, моя милая, не можетъ тебѣ мѣшать выходить замужъ, твой jeune ptemier останется при тебѣ,» говорили ей тетушки.

Это снисходительное правило привело ее въ ужась. Софи рѣшилась исполнить желаніе родныхъ.

— Оно иначе и не могло быть, — сказалъ ей ласково старшій дядя, нюхая табакъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ она рѣшилась объясниться съ Даяновымъ, и просить забыть ее, но никакъ не могла рѣшиться исполнить этого; а между тѣмъ, также, во исполненіе желанія родныхъ, она принуждена была дать балъ.

Пригласительный билетъ Даянову, написанный ея собственною рукою, привелъ его въ совершенное отчаяніе. Она желала, чтобъ онъ спросилъ ее, что значить этотъ балъ, хотѣла сказать ему: прости навсегда; но онъ не являлся къ ней, какъ будто предчувствуя, что отъ этого зависитъ его участь.

Почти увѣренная, что Даяновъ сердится на нее, она однако же надѣялась, что онъ непременно прійдетъ на балъ. Первую кадрили хотѣла она танцевать съ нимъ; но рѣшительность на разлуку въ ней исчезла. А когда она замѣтила на лицѣ его отчаяніе, какъ будто предугадывающее: *прости*, — ей хотѣлось, вмѣсто прости, сказать ему: люби меня, не оставляй меня ни въ какомъ случаѣ! Что бы со мной ни было, сердце мое неразлучно съ тобою!

Отходя отъ нея, Даяновъ бродилъ по комнатамъ. Отдалялся, или отворачивался отъ всѣхъ, заговаривающихъ съ нимъ, и только что не бранилъ останавливающихъ его пріятелей, между тѣмъ какъ многимъ была большая нужда

до него. Иному хотѣлось знать, отъ чего онъ не танцуетъ, другой желалъ знать его мнѣніе о какой-нибудь Чусовой или Кубасовой.

Въ первый разъ всѣ эти бальные хлопоты, заботы, восхищенія и упоенія показались Даянову глупы, пельпы, всѣ эти бальные маріонетки и официанты смѣшны до сожалѣнія. Онъ посматривалъ только завистливымъ окомъ на Ранѣва, который, молча, спокойно, наблюдательно ходилъ между волнующимися душами и смущалъ всѣхъ своимъ приближеніемъ и пытливымъ взглядомъ. Казалось, что онъ, какъ Данте, знаетъ всю подноготную каждой тѣни, — и отъ него пряталась и обольстительная улыбка и заманчивый взоръ каждой свѣтской грѣшницы, умолкала болтливость и опадала умная наружность съ пустыхъ головъ, какъ парикъ съ лысой головы.

— Ты, мой милый, вѣхалъ бы лучше домой, — сказалъ онъ, проходя мимо Даянова.

— Одну кадриль, и удаю къ чорту, — отвѣчалъ Даяновъ. — Фу, мочи нѣтъ! — проговорилъ онъ самъ себѣ, шатаясь, какъ опьянѣлый. Онъ чувствовалъ, что голова его кружится, во всемъ жаръ, утомленіе, слабость; невольно искалъ онъ прохладнаго темнаго угла, — и безсознательно удаляясь отъ толпы и отъ свѣта, вошелъ въ полусвѣщенную комнату китайскимъ фонаремъ. Здѣсь за колоннами и штофными занавѣсами былъ альковъ хозяйки. У окна, на возвышеніи съ балюстрадаю, какъ въ бесѣдкѣ, стояло глубокое кресло, въ видѣ раковины Амфитриты, обнесенное густымъ плющемъ.

Этотъ пріютъ отдыха заманилъ къ себѣ молодаго челоуѣка. Онъ бросился на него и ресорная раковина закачалась какъ на волнахъ. Даянову хорошо было; пуховыя подушки обняли его, утомленные члены, какъ убаюканные, раскинулись съ нѣгой. Но вотъ колебаніе волнъ все тише и тише; утихаетъ и волненіе крови; въ воображеніи проносится мечта за мечтой, душа какъ будто ожидаетъ изъ отдаленія чуднаго призрака; онъ ближе, ближе... Это она!...